Ты слышишь, весна, ты слышишь, сугробы тают,
В апрельских лучах распускается
чирикающее враньё –
Бессмысленные и жизнерадостные воробьиные стаи
Пляшут по побережьям мутной реки времён.

Да, эта весна в аду – чудовищна, но прекрасна:
Необъятна, пьяна, унижена и горда.
Что за чёрт рисовал её, окуная копыто в краски, –
Ветер, солнце, вода, огонь и плавучие города!

Целительный для здоровых,
убийственный для недужных,
Воздух лёгкие ошарашивает после первого же глотка.
С каждого дерева смотрят живые души,
Чёрные камни плачут, пни открывают глаза.

Под музыку погибать всё-таки интересней –
Так звучи, скрежещи зубами,
кандалами вовсю греми!
А что, если я уже умер,
мне вот-вот предстоит воскреснуть,
А сейчас – я в аду отвечаю за забытые мной грехи?

Новые профессии рождаются новой жизни в угоду –
Кто-то должен за ручку воскресших,
как детей, в новый мир вести.
И вот, взявшись за руки,
шествуют карлики и уроды –
Праздничный бестиарий загробной моей весны.

Люди будущего, люди в масках,
толпы безликих еху, –
Лиц они недостойны, за то их и лишены.
За белой марлей не видно ни слёз, ни смеха,
Только пятна без чёткой формы,
как нарывы и лишаи.

По домам пролетает молния
светящимся белым шаром,
Заблудившийся трамвай оголтело носится по земле,
Шагают вперёд Двенадцать –
по лужам державным шагом,
И топот Медного всадника
им слышен в грядущей мгле.

А дальше – не плачь, не бойся,
не пытайся вылечить нервы,
Но иди и смотри, узри, замри, онемей –
Только небо, ледовитое небо, и ничего, кроме неба,
Только запретное небо загробной весны моей.